

Из-за приготовлений к юбилею ворота особняка семьи Се стояли распахнутыми настежь: люди и машины сновали туда-сюда без перерыва.

Когда Дедушка Се собрался выйти по делам, он увидел Се Фэнсина, который стоял на веранде и распоряжался рабочими, заносившими в гостиную рояль.

— Осторожнее, не поцарапайте, — негромко командовал юноша.

Косые лучи солнца падали на веранду, освещая застывшую фигуру Фэнсина. Одетый во всё белое, стройный и невозмутимый, он напоминал хрупкую лилию в утренней росе.

— Кто купил инструмент? — спросил дедушка.

В их семье отродясь никто не музицировал.

— Я, — ответил Се Фэнсин. — И не беспокойтесь, я потратил только то, что заработал сам.

Старик нахмурился.

В состоятельных семьях детей с малых лет приобщали к искусству. Се Вэй, к примеру, с детства занимался верховой ездой и игрой в го, и до сих пор поддерживал мастерство на высоком уровне. В детстве Фэнсина тоже пытались учить многому: рисованию, танцам, музыке... Он перепробовал всё, но в итоге бросил занятия, пристрастившись к гонкам.

Тогда отец нанимал лучших учителей, а Фэнсин и пальцем не хотел шевелить. Неужели в таком возрасте в него вдруг вселился бес меломании?

«Неужели он и впрямь собирается учиться игре на фортепиано в таком возрасте?»

Дедушка вернулся лишь к вечеру после встречи с друзьями. Рояль уже занял своё место в углу гостиной. На лакированной крышке стояла ваза с изящными белыми лилиями, а рядом лежали ноты.

Вспомнив о великолепном каллиграфическом почерке сына, Дедушка Се вновь почувствовал робкий укол надежды. Он подозвал одну из помощниц по дому:

— Матушка Чжан, Фэнсин сегодня сядет за рояль?

Та покачала головой:

— Нет, господин. Он только попросил меня хорошенько протереть инструмент.

Слабый огонёк надежды в груди дедушки тут же погас.

«Глупо было ожидать чего-то иного. Разве я не знаю своего сына?»

За всю жизнь Се Фэнсин разочаровывал его слишком часто. Красивые иероглифы на бумаге, скорее всего, были лишь случайным капризом или совпадением.

Вздыхнув, старик направился к себе. У лестницы на второй этаж он столкнулся с Се Вэем.

Тот застыл у порога комнаты брата, не решаясь войти. Дверь была приоткрыта, и полоса яркого света падала в коридор. Се Вэй стоял в этом луче с непривычно суровым лицом.

Дедушка подошёл и встал рядом. Се Вэй обернулся:

— Папа.

Старик кивнул и заглянул в комнату. Се Фэнсин сидел у окна перед мольбертом, но дедушка никогда не видел, чтобы художники использовали столь громоздкие подставки.

Это был огромный холст, метра три в длину и около двух в высоту. Он возвышался посреди комнаты, словно золотая ширма. Однако краски и инструменты, разложенные вокруг, выглядели совершенно незнакомо.

Дедушка Се вошёл внутрь. Одежда Фэнсина была перепачкана разноцветными пятнами, лицо выглядело утомлённым, но в глазах горел лихорадочный блеск.

— Ты... рисуешь? — в голосе дедушки сквозило недоверие.

Фэнсин коротко подтвердил, бросив мимолётный взгляд на стоящего за спиной отца Се Вэя.

— Что это за техника? — старик подошёл ближе.

Рисунок оказался объёмным. С разных ракурсов картина меняла очертания, создавая невероятный эффект глубины. Цвета были насыщенными, грубоватыми и в то же время сказочными. Это было завораживающее зрелище.

— Яньцай, — ответил Фэнсин.

Отец осторожно протянул руку, и на кончиках его пальцев осталась золотистая пыльца.

— Когда ты успел этому научиться? — не удержался он от вопроса.

— За те два года, что не жил дома.

— Что это за краски? Никогда не видел ничего подобного, — Дедушка Се чувствовал себя простаком, впервые попавшим во дворец.

— Зелёный — это малахит, синий — азурит, чёрный — турмалин. Белый получен из горного хрусталя, жёлтый — из сусального золота...

Техника яньцай подразумевала использование минеральных пигментов, которые накладывались слоями и закреплялись животным клеем. Она зародилась в Китае, получила развитие в Японии, и лишь недавно начала вновь обретать популярность на родине, оставаясь загадкой для большинства.

— Пожалуйста, выйдите, — сухо произнёс Фэнсин. — Когда я закончу, вы всё увидите. Это мой подарок к вашему юбилею.

— Подарок... мне? — старик замер, не в силах скрыть потрясения.

В его душе смешались радость и глубокое волнение. Он смотрел то на своего странного, ставшего почти чужим сына, то на помрачневшего Се Вэя, и на его губах заиграла растерянная улыбка.

Се Вэй же внимательно разглядывал полотно, завершённое лишь наполовину.

Даже не разбираясь в искусстве, он понимал: для работы такого масштаба требуются недели, а то и месяцы. Техника яньцай была невероятно сложной, но Фэнсин за половину дня умудрился набросать почти половину композиции. И хотя картина была не закончена, в ярких красках и дорогих материалах уже угадывалось будущее великолепие.

Се Вэй смотрел, как брат, вооружившись кусочком шлифовальной шкурки, бережно обрабатывает поверхность холста. Раздался тихий шорох, и сверкающая пыль осела на одежде юноши. В этот момент Се Фэнсин — сосредоточенный, холодный, измазанный краской — выглядел как истинный творец, полностью погружённый в свой мир.

Покинув комнату брата, Се Вэй заперся у себя. Он тяжело опустился на кровать, сжимая пальцами колени.

Сун Юй твердил, что Се Фэнсин изменился до неузнаваемости. Се Вэй не верил — как может

взрослый парень измениться так кардинально? Теперь же сомнений не осталось.

Перед ним был не тот никчёмный мальчишка, чьи мысли занимала лишь несчастная любовь. Казалось, в знакомую оболочку вселилась иная, чужая душа.

Они были так близки, Фэнсин всегда доверял ему всё самое сокровенное. О своей ориентации он первым делом рассказал именно брату. Но когда он успел овладеть всеми этими навыками?

«Неужели он всё это время скрывал свои таланты от меня?»

«Неужели его былая покорность и искренность были лишь маской?»

«Неужели в этом доме каждый — мастер притворства?»

Се Вэй горько усмехнулся. Но перед глазами всё равно стоял образ Фэнсина: его тонкий профиль и пугающая сосредоточенность.

В ту ночь он так и не смог уснуть.

Лу Чи, заваленный делами, смог пригнать машину к особняку Се лишь через день.

Он впервые переступил порог этого дома. Дедушка Се, как раз собиравшийся заварить чай, услышав о визите гостя, едва не выронил чашку от неожиданности:

— Кто, ты сказал, пришёл?

— Лу Чи, — ответил дядя Чэнь. — Старший наследник корпорации «Субэнь».

— Что ему понадобилось в нашем доме? — старик торопливо вытер руки.

Семья Се была уважаемой и богатой, но по сравнению с кланом Лу они были в разных весовых категориях. Отцу Се однажды довелось видеть Лу Мина на закрытом приёме, но он даже не осмелился подойти.

Мир семьи Лу стоял особняком — это были не просто деньги, а колоссальное влияние.

Он много слышал о Лу Чи, и теперь, увидев его вживую, убедился: молодой человек обладал статью истинного аристократа и безупречными манерами.

— Здравствуйте, господин Се.

Дедушка радушно закивал:

— Здравствуйте, проходите, прошу вас.

— Я к Фэнсину.

— Он наверху. Наверное, ещё не вставал. Присаживайтесь, дядя Чэнь, позови Фэнсина вниз.

— Он всё ещё спит? — уточнил Лу Чи.

— Ну... вчера засиделся допоздна. Картину писал, — с гордостью пояснил Дедушка Се.

— Я поднимусь к нему сам, если позволите, — предложил Лу Чи.

— Конечно, идите. Дядя Чэнь, проводи гостя.

Провожая Лу Чи взглядом, старик невольно вспомнил слухи о его романе с сыном.

Фэнсин совершил каминг-аут ещё в средней школе. Дедушка тогда едва не скончался от удара: единственный наследник, на которого возлагались все надежды по продолжению рода, вдруг заявляет о симпатии к мужчинам. Он и до того считал сына разочарованием, но после этого окончательно поставил на нём крест.

Если бы не заступничество Се Вэя, Фэнсин мог бы надолго лишиться возможности ходить.

Позже пошли слухи о его связи с неким Сун Юем. Старик злился, но втайне попросил Се Вэя разузнать подробности. Вердикт был суров: Сун Юй — выскочка с сомнительной репутацией, а Фэнсин в этих отношениях был тем, кто лишь отдавал.

Разочарование дедушки было безграничным.

Но теперь... если Фэнсин действительно встречается с кем-то вроде Лу Чи... Это меняло дело.

Такая связь не была постыдной. Напротив, она возвращала семье Се утраченный престиж.

Дядя Чэнь подвёл Лу Чи к комнате. Дверь была приоткрыта. Постучав и не дождавшись ответа, помощник осторожно заглянул внутрь.

Окно было распахнуто, лёгкий ветерок колыхал белоснежный тюль. На полу лежал человек, наполовину укрытый этой воздушной тканью. Поперёк его груди застыла кисть, оставив на белой ткани яркий алый след.

— Ох, батюшки! — воскликнул дядя Чэнь, бросаясь к юноше. — Фэнсин, почему ты на полу спишь?

Он опустился на колени, отводя штору. Се Фэнсин, нахмурившись, приоткрыл заспанные глаза. Когда дядя Чэнь помог ему сесть, кисть со стуком упала на паркет. Помощник потянулся за ней и, случайно взглянув на золотое полотно рядом, замер.

Шок — вот единственное слово, которое могло описать его чувства.

С прекрасного панно на него смотрели небесные феи и божественные отроки с плодами долголетия, парящие на журавлях. Солнечные лучи заставляли минеральные краски сиять, а золотую пыль — искриться. Это было воплощение роскоши и мастерства.

Се Фэнсин сощурился, глядя на Лу Чи. Его голос после сна звучал хрипло:

— Ты чего здесь?

— Пригнал машину, — Лу Чи подошёл к ширме, глядя на живописный беспорядок вокруг. — Твоя работа?

Фэнсин потёр лоб, словно борясь с головной болью:

— Проработал всю ночь напролёт.

Накануне, поддавшись творческому порыву, он почувствовал, что ему невыносимо жарко. Сейчас на нём были лишь короткие шорты и белая майка. Кожа на руках и ногах была припорошена цветной пылью. Он выглядел хрупким, растрёпанным и в то же время невероятно живым.

— Невероятно... Какая красота... — пробормотал дядя Чэнь, не в силах отвести взгляд от картины.

Он вскочил и поспешил вниз, чтобы позвать хозяина.

Лу Чи снова посмотрел на полотно:

— Не знал, что ты владеешь техникой яньцай.

Се Фэнсин снова откинулся на пол:

— Я слишком устал.

Как и после гонок, отдав все силы делу, он чувствовал лишь полное опустошение.

Лу Чи молчал. В груди его поднялась волна нежности. Ветер снова набросил тюль на ноги Фэнсина, и Лу Чи, не выдержав, наклонился к нему.

— Иди в кровать, не спи на полу, — тихо произнёс он.

Фэнсин, едва приоткрыв веки, пробормотал:

— Мне как раз снилось, что ты пришёл. И вот ты здесь.

— И что же тебе снилось? — спросил Лу Чи.

— Что я разбился на треке. Машина горела, а ты вытащил меня из пламени, — ответил Фэнсин.

— Всё было как наяву. Но в этот раз... было не так больно.

Лу Чи вздрогнул. Он вспомнил, как Фэнсин метался в кошмарах прежде. Даже если это был лишь сон, сердце Лу Чи болезненно сжалось.

Он подхватил юношу на руки, перенёс на кровать и замер, глядя на него сверху вниз.

Се Фэнсин уже крепко спал.

Его лицо было расслабленным, лишённым всякой настороженности.

Но Лу Чи понимал: эта беззащитность проистекала не из доверия, а из полного безразличия ко всему миру.

Этот человек казался абсолютно одиноким, не знающим страха и живущим лишь по собственным правилам. Холодный и отстранённый.

И именно это заставляло сердце Лу Чи биться чаще.

Сейчас он был его боссом, и Фэнсин относился к нему иначе, чем к остальным. Возможно, это был предел. Сделай он хоть шаг за черту — и Фэнсин навсегда исчезнет из его жизни.

За дверью Дедушка Се, вцепившись в руку дяди Чэня, застыл как вкопанный.

«Что это значит?»

«Неужели они и впрямь встречаются?»

Сюрпризов от младшего сына за последнее время было так много, что старик уже перестал удивляться невозможному.

«Такой зять... это было бы совсем неплохо!»

Дедушка увлѐк помощника за собой вниз и сразу зашептал:

— У них что, всё серьёзно?

Дядя Чэнь испугался, решив, что хозяин снова впадѐт в ярость. Он слишком хорошо помнил тот день, когда Фэнсин признался во всѐм.

— Да нет... просто на полу было холодно, вот он его и переложил, — поспешил оправдать юношу помощник. — Но вы только посмотрите на картину! Я за всю жизнь такой красоты не видывал.

В этот момент Лу Чи спустился в гостиную.

Дедушка Се поднял голову:

— Спит?

— Да, уснул, — ответил Лу Чи. — Извините за беспокойство. Я зайду в другой раз.

Старик хотел было лично пригласить его на юбилей, но вовремя спохватился: это было бы не совсем уместно. Он решил предоставить это право сыну.

Проводив гостя до машины, он не удержался и заметил:

— Славный малый. Какая выправка, какой характер!

— Говорят, он только недавно вернулся из армии, — добавил дядя Чэнь.

— Вот оно что, — кивнул дедушка. — То-то у него спина как струна. А то наш Фэнсин вечно горбится. Ему полезно общаться с такими людьми.

— Ну, господин, Фэнсин теперь тоже держится очень прямо, — возразил помощник.

«И то верно».

«Может, это Лу Чи на него так повлиял?»

«С кем поведёшься, от того и наберёшься».

Дедушка Се поднялся наверх. Фэнсин всё ещё спал. Старик долго стоял перед огромным полотном в немом восхищении.

Взглянув на спящего сына, он почувствовал, как сердце наполняется нежностью.

Как бы он ни злился, это был его единственный родной ребёнок, долгожданный сын. Он не мог не любить его. Просто прежний Фэнсин приносил лишь огорчения: ни в науках не преуспел, ни в делах, забросил учёбу ради гонок, а в итоге ещё и связался с мужчинами.

Говорят, от дракона рождается дракон, но Фэнсин всегда казался дедушке хуже приёмного Се Вэя.

Он поправил одеяло сына и ещё долго стоял перед картиной.

В день юбилея он выставит её на всеобщее обозрение.

Пусть все знают: никчёмный младший сын семьи Се переродился.

Семья Се была влиятельной в Бэйчэне, и в день торжества дорогие автомобили выстроились вдоль всего горного шоссе. Поместье сияло огнями, напоминая сказочный замок.

В комнате на втором этаже Се Фэнсин наносил перед зеркалом лёгкий макияж.

Он научился этому искусству в мире шоу-бизнеса, где грим был обязательным атрибутом для каждого, невзирая на пол. Он привык превращать своё лицо из «ангельского» в «демоническое» парой взмахов кисти.

Сегодня он хотел быть «демоном» — вызывающе, ослепительно прекрасным. Ему нужен был образ, который Сун Юй никогда не видел прежде. Образ, который вонзится ему прямо в сердце.

Это был первый раз в этом мире, когда он использовал косметику. Он лишь слегка подчеркнул брови и разрез глаз. Его лицо, и без того одарённое редкой красотой, после этих штрихов стало почти пугающе притягательным — холодным, потусторонним и незабываемым.

[Ты готов?]

[Эта ночь многим запомнится надолго.]

Фэнсин взглянул на готовую, вставленную в раму картину и стряхнул с пальцев остатки искрящейся пыли:

— Я начинаю предвкушать это зрелище.

Сумерки ещё не полностью поглотили небо: над пышной зеленью гор догорал пурпурно-фиолетовый закат. Гости прибывали один за другим. В саду забили фонтаны, зажглись золотистые фонари. Несколько официантов в строгих костюмах вынесли из дома массивную раму и установили её среди тюльпанов. В свете прожекторов картина вспыхнула золотом и красками, затмевая собой всё вокруг.

Гости тут же начали собираться вокруг шедевра.

<http://bllate.org/book/15841/1435661>